

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАПРОСА В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

EDUCATIONAL REQUEST FORMATION IN THE KNOWLEDGE CAPITALIZATION CONDITIONS

УДК 304.2 + 378.1+373.1

DOI: 10.15372/PEMW20180303

В. В. Петров

*Институт философии и права СОРАН; Ново-
сибирский национальный исследовательский
государственный университет, Новосибирск,
Российская Федерация, e-mail: v.v.p@ngs.ru*

Petrov, V. V.

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian
Branch of Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State University, Novosibirsk,
the Russian Federation, e-mail: v.v.p@ngs.ru*

Аннотация. В условиях информационного общества знание как информация, будучи в классическом варианте гносеологической категорией, получив форму товара, приобрело новые социальные возможности и активно включилось на стоимостных основаниях во все сферы социокультурных отношений. Под воздействием этих факторов университет не просто трансформирует собственную идею и сущность, но и теряет свое назначение, адаптируясь под обстоятельства и становясь субъектом рыночных отношений. В статье показано, что в условиях капитализации знаний студент ожидаемо стремится сформировать собственную образовательную траекторию, которая позволит ему успешно «монетизировать» полученные знания, умения и навыки на рынке труда после окончания университета. Обозначено, что недовольство образовательной политикой, проводимой государством в отношении университета, может порождать ответную реакцию и побуждать к действию часть активного студенческого состава. Сделан вывод о том, что если при развитии демократической системы управления в университете окажется возможным определить предельно допустимые границы влияния студенческого сообщества на динамику университета, то, с одной стороны, появится возможность избежать радикальных форм проявления недовольства в виде студенческих волнений, а с другой – университет сможет сохранить основные организационные принципы своего развития, направленные, в первую очередь, не на подготовку узкоспециализированных выпускников для общества потребления, а на формирование гражданина.

Abstract. Information society contributes to considering knowledge as information that acquired new social opportunities and joined the spheres of socio-cultural relations. Knowledge is classically reviewed as an epistemological category but now have received the form of a commodity. Influenced by these factors, the university not only transforms its own idea and nature, but also loses own purpose, adapting to the circumstances and becoming a subject of market relations. The paper shows that in the conditions of knowledge capitalization, the student is expected to create his own educational line, which will allow him to «monetize» the acquired knowledge and skills in the labor market after graduating from the university. The author indicates that dissatisfaction with the educational policy implemented by the government to the university can generate the response and encourage active students to react and act. The article makes conclusion that if development of a democratic management system at the university contributes to possible identification of the per-missible borders of students influence on university development, then on the one hand, it will be possible to avoid radical forms of students manifestation, and, on the other hand, the university will be able to keep the basic organizational principles of its development, aimed not on training narrow-specialized professionals for society but on formation of a citizen.

Ключевые слова: общество знания, капитализация знаний, идея университета, студенческое сообщество.

Keywords: knowledge society, capitalization of knowledge, university idea, student community

Для цитаты: Петров В.В. Формирование образовательного запроса в условиях капитализации знаний // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, №3. С. 1981–1989

For quote: Petrov, V.V. [Educational request formation in the knowledge capitalization conditions]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 1981–1989

DOI: 10.15372/PEMW20180303

DOI: 10.15372/PEMW20180303

Ведение. В классическом понимании университет представляет собой особый тип высшего учебного заведения, имеющий набор определенных функций, важнейшими из которых являются не только производство фундаментального знания и трансферт технологий, но и вклад в культурное наследие и формирование интеллектуального потенциала общества. В условиях информационного общества знание как информация, будучи в классическом варианте гносеологической категорией, получив форму товара, приобрело новые социальные возможности и активно включилось на стоимостных основаниях во все сферы социокультурных отношений. Под воздействием этих факторов университет не просто трансформирует собственную идею и сущность, а теряет свое назначение, адаптируясь под обстоятельства и становясь субъектом рыночных отношений [1, с. 10]. Актуальность этой тематики обозначена в докладе ЮНЕСКО 2005 г., где отмечается, что в условиях развития общества, основанного на информации и знаниях, необходим поиск новых моделей развития университетского образования [2]. Традиционно запрос к университету формируется со стороны трех акторов образовательного процесса: общества, государства и студенчества. Но дело в том, что, когда знание становится товаром, продается и покупается в виде информации, происходит серьезное изменение этого запроса со стороны студенчества, влияние которого существенно возрастает, что отмечается многими исследователями [3–5]. Проблема, рассматриваемая в статье, может быть сформулирована следующим образом: с одной стороны, государство и общество в целом имеют схожее видение роли университета в современном обществе, а с другой – студенчество, воспринимая образование как услугу, формирует собственный взгляд на то, какие функции должен выполнять университет. В условиях капитализации знаний студент ожидаемо стремится сформировать собственную образовательную траекторию, которая позволит ему успешно «монетизировать» полученные знания, умения и навыки на рынке труда после окончания университета. Недовольство образовательной политикой, проводимой государством в отношении университета, может порождать ответную реакцию и побуждать к действию часть активного студенческого состава. Таким образом, появляется необходимость выявить предельно допустимые формы влияния всех акторов образовательного процесса на развитие университета в условиях сложных социокультурных трансформаций.

В статье предпринята попытка найти возможные пути решения этой проблемы.

Постановка задачи. Кардинальные изменения, происходящие с университетским образованием, ставят вопрос о невозможности существования университета в прежнем, «классическом» виде, что отмечается в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Так, Г. И. Петрова, С. Н. Зыкова, И. А. Ершова отмечают возросшую роль студента в образовательном процессе, что приводит к изменению организационной культуры университета [1, с. 98]. Ж. Ф. Лиотар говорит о том, что университет в своем прежнем виде «серьезно болен» и «будет выходить из употребления» [6, с. 91]. Кризис, который переживает классический университет, отмечается в работах Р. Барнета, Б. Ридингса, Ю. Хабермаса [7–9]. К числу последних работ, связанных с изучением проблем высшего образования в целом и университетской тематики в частности, можно отнести исследования Г. Ицковца, Дж. Салми, Й. Виссемы, Т. Иглтона, Н. В. Наливайко, С. И. Черных [4; 5; 10–14] и ряд других.

К сожалению, в формате журнальной статьи невозможно провести детальный анализ всех факторов, формирующих образовательный запрос к университету, поэтому мы сосредоточим наше внимание непосредственно на влиянии студенческого сообщества. Цель работы – выявить возможные пути, формы влияния студенческого сообщества на развитие университетского образования, а также установить допустимые границы данного влияния на образовательные траектории. Поставленная цель определяет следующие задачи: во-первых, проследить историческое развитие университета и раскрыть сущность требований, предъявляемых студенчеством к университетскому образованию; во-вторых, определить допустимый предел и границу влияния современного студенчества на формирование процесса обучения.

Методы и методология исследования. Теоретической основой исследования являются современные теории социальной реальности как реальности информационного общества и формирующегося общества знания. Метод философской концептуализации позволил представить новый уровень анализа развития классического университетского образования и преодолеть разрозненность подходов к его исследованию. Феноменологический подход позволил обозначить смысл коллективных действий современного студенчества, культурно-антропологический подход – осуществить анализ процесса развития субъекта образования и его личностную идентичность. Кроме того, для сбора, описания и классификации первичной информации использовались эмпирические методы – интерпретативные исследования, метод анализа документов, опросный метод и др. Социокультурный и культурфилософский подходы, применяемые в работе, дали возможность обобщить ценностный характер эмпирических материалов, полученных в ходе исследования.

Результаты. Как известно, классический университет представляет собой «альма-матер», место, в котором постулируются высокие идеалы, стремление к поиску истины, исключительная роль базового гуманитарного воспитания, а в основе всего лежат научные интересы и академические принципы. Это особый тип высшего учебного заведения, имеющий набор определенных функций, важнейшими из которых являются, во-первых, проведение научных исследований, во-вторых, академическая подготовка специалистов, в-третьих, возможность получения фундаментального образования, а также вклад в культурное наследие и интеллектуальное развитие.

Благодаря первым европейским университетам человечество получило возможность осознать свою принадлежность к единой цивилизации и основать культуру права и разума. Постепенное распространение научного знания и научной деятельности в последующем привело к появлению высших учебных заведений во многих других европейских городах. В период становления национальных государств к числу внутренних факторов добавились интересы соответствующего национального государства, при этом сами университеты постепенно становились государственными учреждениями [15].

Как известно, в основе классического университета лежит модель средневековых университетов Европы, которые представляли собой не просто научно-образовательные центры, а по своему устройству напоминали некие политические образования с основными организационными принципами классических европейских республик. Несмотря на то что в последние десятилетия университетская система в англо-американских странах подверглась некоторым изменениям. Если в 50-е – 70-е гг. XX в. около 80% студентов учились, чтобы освоить философию жизни, то сейчас до 70% студентов учатся, чтобы быть востребованными на рынке труда и получать достойную заработную плату. Они считают, что знание должно приносить прибыль, его можно разложить по карманам, чтобы приступить к практической деятельности. Тем не менее, какая бы прикладная направленность получения нового знания ни присутствовала, в классическом западном понимании университеты должны заниматься производством фундаментального знания. Университеты могут задавать вопросы, не ограничивая свободу обсуждения возможных ответов. Университет – это институция, поддерживающая свободную дискуссию и находящая точку зрения, которую можно публично защитить [16]. Следующей обязательной чертой классического эффективного университета с самого основания является наличие академических свобод, то есть права преподавателей и ученых «вести исследования, преподавать и публиковаться без ограничений со стороны учреждений, где они работают» [17]. Это значит, что оценивать значимость произведенного знания и определять дальнейшее направление научных исследований могут только коллеги по профессии, в данном случае – научное сообщество, а не чиновники из различных министерств и ведомств. Далее для того, чтобы подобные свободы существовали, университет должен быть финансово независимым, то есть иметь диверсифицированное финансирование, которое позволяет соблюдать баланс между бизнесом, государством и различными благотворительными фондами, то есть не зависеть от финансового или политического влияния.

Не менее важным аспектом является управление «университетской республикой». Как известно, любое управление в самом широком смысле может быть определено как действия группы людей, соединяющих свои усилия для достижения общих целей. Спецификой этих действий является междисциплинарный характер, наличие теоретических концепций и моделей и в то же время – ориентация на решение практических задач [18, с. 35]. Управлять процессом производства научного знания могут только люди, сами непосредственно занимающиеся наукой и понимающие, чем она отличается от добычи нефти или создания новых финансовых структур. Система управления университетской республикой носит смешанный характер, объединяя демократический, монархический и аристократический элементы. Деканы и ректоры наделены достаточно широкими полномочиями, отдаленно напоминающими монархическую власть. Эта власть не превращается в абсолютистскую монархию, поскольку ее ограничивает «власть лучших» – аристократия – в виде коллегиальных органов, которые состоят

(должны состоять) не только из лучших ученых, но и студентов: ученые советы, комитеты, комиссии, студенческие советы и т.д. Многочисленные органы самоуправления университетской республикой позволяют препятствовать принятию негативных решений. Соответственно, классический университет характеризуется четырьмя основными принципами: во-первых, производством фундаментального научного знания; во-вторых, наличием академических свобод; в-третьих, финансовой независимостью и, в-четвертых, автономным управлением.

В начале XIX в. важнейший прорыв в области университетского образования был сделан Вильгельмом фон Гумбольдтом, который разработал проект объединения Берлинского университета с Королевской академией, в результате чего появилась качественно новая академическая среда, где обучение было теснейшим образом связано с исследованиями. Реформа Гумбольдта способствовала тому, чтобы академия скорейшим образом утратила приобретенное в эпоху Просвещения значение противовеса университету. Новая модель оказала огромное влияние на будущее функционирование университетов в XIX и XX в., сформировав принципы свободы преподавания и свободы учения. Основное отличие исследовательского университета не только от простой, но и от высшей школы заключается в первую очередь в том, что в последних человек лишь получает определенные знания и компетенции для того, чтобы выполнять конкретный вид работ. В лучшем случае такой человек – хороший исполнитель. Идеальный выпускник исследовательского университета – это новатор, не просто получающий во время обучения готовое знание, а вовлеченный в процесс поиска и производство нового. Таким образом, миссия классического университета заключалась в подготовке «человека знающего», способного восходить к нормам и законам науки и с их помощью совершенствовать жизнь [1, с. 6]. С одной стороны, заложенные Гумбольдтом академические свободы являются неотъемлемой чертой успешного университета с самого его основания, а с другой – именно они дали импульс к формированию многочисленных студенческих движений, которые боролись не только за идеалистические стремления к справедливости в существующих социальных условиях, но и за улучшение положения студента и студенчества в университете в целом.

В условиях перехода к информационной цивилизации возможность капитализации знаний предопределила переход университета в новый формат, концепция которого описывается различными исследователями с разных позиций. Так, согласно концепции, созданной в 1990-х гг. в Англии и Голландии профессором университета Ньюкастла Г. Ицковицем и профессором амстердамского университета Л. Лейдесдорфом [4, с. 62], классический университет сочетает в себе элементы обучения, научной деятельности и предпринимательства, в то время как тесное взаимодействие власти, бизнеса и университета становится базовым элементом инновационного развития общества. В рамках модели эффективного университета мирового класса, способного развивать фундаментальную науку, осуществлять трансфер технологий и заниматься внедрением результатов научных исследований, создателем которой является Дж. Салми, необходимо взаимодействие трех базовых блоков: концентрации талантов, изобилия ресурсов и эффективного управления. Привлекательность модели Салми заключается как в минимизации базовых блоков и составляющих их ключевых характеристик, так и в демонстрации их тесного взаимодействия. «Первое и, вероятно, определяющее свойство превосходства – это наличие критической массы лучших студентов и выдающихся преподавателей... Высокая степень обеспеченности ресурсами является вторым фактором, характеризующим большинство университетов мирового класса, поскольку содержание современного комплекса, в котором проводятся интенсивные научные исследования, является непростым делом и требует огромных затрат. Третья характеристика связана с общей структурой управления вузами, конкурентоспособной средой и степенью академической и управленческой автономии. Важно подчеркнуть, что комбинация трех факторов, характеризующих университет мирового класса – концентрация талантов, высокий уровень финансирования и эффективное управление – и является их основной отличительной чертой. Динамическое взаимодействие между всеми тремя группами отличает университеты, принадлежащие к элите академического мира» [5, с. 32]. В качестве итога такого взаимодействия выступают выпускники, результаты научных исследований, а также распространение новых идей и технологий. Независимо от того, в рамках какой концепции будет происходить дальнейшее развитие университетов, ключевым фактором будет являться то, что в современных условиях производство научного знания стало экономическим и эпистемологическим предприятием по мере того, как экономика все больше работает на ресурсной базе знаний. Соответственно, при капитализации знаний студенческое сообщество ожидаемо хочет не только производить фундаментальное знание, но и принимать большее участие в управлении университетом, на что имеет полное право, закрепленное основными организационными принципами классического университета, о которых мы говорили выше, где обозначили, что идеально устроенная система управления – смешанная, объединяющая и монархический, и аристократический, и демократический (народный) элементы. Система смешанного правления хорошо проявляет себя в университетах – она по-

зволила им сохраниться в условиях сложных социокультурных трансформаций, в то время как вокруг нарушались вековые устои, происходили революции и т. д. В каждом университете есть коллегиальные органы: комитеты, ученые советы, комиссии, которые утверждают новых коллег, присуждают звания и степени и т. д. Однако в целом такая система управления образованием не может работать в высшей степени эффективно, поскольку отличается консервативностью и не учитывает динамично меняющиеся требования молодежи в соответствии с развитием социума. Именно поэтому университетам нужен и демократический элемент, связанный с участием студенчества, в противном случае может возникнуть неконтролируемая ситуация.

В качестве примера обратимся к ситуации, сложившейся во Франции и в Германии в конце 1960-х гг. В январе 1968 г. во всех крупнейших вузах Германии прокатилась волна столкновений между учащимися и университетской администрацией. Студенты требовали реформирования программы обучения, устраивая акции протеста, разоблачая профессоров с нацистским прошлым, срывая заседания преподавательских советов. В течение нескольких месяцев демонстрации стали масштабнее и ожесточеннее, а уже в мае 1968 г. Ульрика Майнхоф в своей колонке левого политического журнала *Konkret* объявила о том, что пора переходить от акции протеста непосредственно к революционным действиям [19]. Во Франции недовольство студентов вылилось в серию студенческих митингов, которые сопровождались требованиями смягчить дисциплинарный устав в студенческих городках, искоренить бесправие студентов перед административным аппаратом университета, выделить дополнительные финансовые средства, убрать как нехватку, так и переизбыток кадров, ввести студенческое самоуправление, в целом сменить приоритеты высшего образования, убрав учебные программы, несоответствующие современному этапу развития общества. После студенческих революций и других волнений многие европейские университеты диверсифицировали систему высшего образования и учредили «трехстороннюю систему управления» [19], при которой ученые советы состояли на треть из профессоров, на треть из представителей администрации и на треть из студентов.

В обоих случаях студенты чувствовали закрытость высшей школы от актуальных проблем современности и нарастание дисгармонии между университетом и обществом. Посредством не только воздействия мирных способов на университетскую администрацию, но и использования радикальных, в том числе экстремистских методов, они добились порядка установления двух важнейших принципов, касающихся системы образования XX в., – демократической системы управления университетом и равного доступа к высшему образованию. В установившихся на время волнений моделях студенты действительно могли влиять на содержание учебных программ. Такая система надолго не прижилась, и сейчас студенческое самоуправление имеет более сдержанные формы. Однако если у студентов нет реального голоса и возможности высказаться, то смешанная – наиболее продуктивная – система управления университетом не работает в полную силу.

Очевидно, что студенческие волнения того времени в большей степени были следствием недовольства внешней и внутренней политикой государства. Борьба за защиту окружающей среды и права человека; выступления против военного вторжения во Вьетнам и расизма; массовая поддержка идей феминизма и сексуальной революции; непопулярность господствующей элиты и, как следствие, растущее количество новых представлений о том, как должно быть устроено общество и государство, а также структура взаимоотношений между ними (появление «новых левых»); присоединение к протестующей студенческой молодежи простых рабочих, работников умственного труда, артистов, писателей – все это факторы, повлиявшие на бурное развитие протестного движения в странах Западной Европы в конце 1960-х гг. [19]. Тем не менее одна из первопричин студенческого радикализма – именно неудовлетворение организацией процесса обучения в университете того времени. Такое неудовлетворение не просто неотрывно от недовольства общественно-политической системой, но и провоцирует дальнейшее стремление к радикальным преобразованиям, что, в конечном итоге, приводит к необходимости преобразования университета.

При этом важно отметить, что сейчас под радикализмом понимается явное и сознательное нарушение установленных общественных норм и правил. В Новой философской энциклопедии радикализму дается следующее определение: «Буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности» [20]. Часто радикализм получает распространение в кризисный период развития общества, угрожающий традиционному укладу жизни. Несмотря на то что многие до сих пор воспринимают радикализм как только социально-политическое явление, его можно встретить и во многих других сферах жизни общества. Например, существуют понятия религиозного и философского радикализма, которые имеют некоторую связь с политической сферой, однако представляют собой нечто отличное только от радикализма политического. В сущности, это процесс нового, без опоры на предшествующие рассуждения,

пересмотра вопросов, которыми издавна задается человек в отношении себя и мира. Так, по мнению российского философа А. Л. Казина, «радикализм сегодня включен в систему основных политологических категорий, однако смысл этого слова выходит за границы политологии, вторгаясь в этику, эстетику, религию и даже повседневную жизнь. Радикал не поступается принципами, он всегда смотрит в суть, в корень дела. Можно сказать, что любой радикализм имеет в качестве антипода половинчатость, беспринципность, соглашательство» [21]. Среди очевидных сходств понятий радикализма и экстремизма (во-первых, широкое распространение и того и другого в кризисный период развития общества; во-вторых, присутствие и того и другого во многих сферах жизни общества, а не только в политике) бывает тяжело увидеть их основное различие. Здесь необходимо пояснить, что радикализм в отличие от экстремизма – достаточно широкое понятие, обозначающее комплекс идей, рождающих желание дойти до корня социальных проблем часто посредством решительного образа действий. При этом радикализм может включать в себя экстремизм и, особенно, терроризм как наиболее жесткие формы проявления радикальных взглядов, подразумевающие готовность и воплощение в жизнь непосредственно деструктивных действий. Следует отметить, что в целом понятию «радикализм» отрицательные коннотации присущи в меньшей степени, чем понятию «экстремизм», следовательно, радикализм сам по себе может быть в большей мере ценностно нейтральным и академичным.

Тем не менее часто можно столкнуться с ситуацией, в которой описанные выше студенческие волнения называют экстремистскими. Так, во время майских событий в Париже во главе колонны численностью 20 тыс. человек несли плакат с надписью «Мы – маленькая кучка экстремистов» (именно так власти накануне назвали участников студенческих волнений). Действительно, можно отметить, что определенные организации, возникшие вследствие студенческих движений (напр., РАФ – 1968 г.), в полной мере могут называться экстремистскими и террористическими, поскольку они использовали деструктивные методы достижения своих целей. Однако корректнее называть феномен студенческого движения «радикальным», несущим в себе идейный созидательный момент. Так, в ситуации с Германией и Францией 1970-х гг. пример созидательного момента – это функционирование демократической системы управления в университете.

Если студенческие недовольства и протесты конца 1960-х гг. были следствием множества факторов, важнейшими из которых являлись неудовлетворение социальной политикой, а также напряженной обстановкой на международной арене, то на сегодняшний день одной из основных проблем современного студенчества становится глобальная «монетизация» знаний. Меркантилизм всех сфер жизни современного общества переводит образование, в том числе высшее, на аналогичный язык, а традиционная профессорская и исследовательская культура дополняется культурой корпоративной. Ее основное предназначение – дать ответ университета на прагматизм в сложившейся исторической ситуации. Дискурс о высшем образовании все чаще использует слова «коммерция», «товарно-стоимостные отношения», «образовательная услуга», «академический капитализм» и т.д. По мнению ряда исследователей, формирующаяся корпоративная культура вносит существенное противоречие в классическую культурную базу университета, традиционно ориентированную на воспроизводство фундаментального знания и служение высоким идеалам [1; 4; 12; 14; 17]. Современный студент, который поступил в высшее учебное заведение и при этом ежегодно платит за свое обучение, неизбежно захочет знать, как он в последующем сможет и сможет ли вообще продать себя на рынке труда по максимальной цене. В рамках проведенного нами в 2018 г. исследования выборочно было опрошено 348 респондентов из 7 вузов (НГУ, ТГУ, НГТУ, ОмГУ, НИУ ВШЭ, МГУ, СПбГУ). Респондентами стали студенты выпускных курсов бакалавриата и магистратуры, примерно половина опрошенных (183 человека) – студенты Новосибирского государственного университета. Респонденты подбирались приблизительно в равном соотношении по направлениям социогуманитарной и естественно-научной подготовки. Результаты показали, что степень удовлетворения качеством преподаваемого материала и работой преподавателей достаточно высока – 79,3% и 69,6% респондентов оценили эти критерии положительно, 60,9% удовлетворены и социальной политикой, проводимой руководством университетов. Но когда речь зашла об организации учебного процесса и возможности работать по специальности на рынке труда после окончания университета, то 52,2% респондентов выразили неудовлетворение, при этом 47,8% выразили готовность к активным действиям в той или иной форме для того, чтобы изменить ситуацию.

Выводы. Проведенные исследования показали, что в современных условиях идея университета претерпевает серьезные изменения. Капитализация знаний коренным образом изменяет вектор образовательного запроса, формируемого студенческим сообществом: на первое место выдвигается практико-ориентированность и прагматический подход. Поэтому ситуация, сложившаяся сегодня в академической среде, следует по пути развития «студентоцентричной» модели функционирования университета. То есть доминирование культуры рыночных отношений в области высшего образования,

при которых университет выступает в качестве продавца, а абитуриент в качестве покупателя, привело к превращению образования в услугу. Соответственно, лейтмотивом современного университета зачастую становятся не столько фундаментальные исследования и трансферт технологий, сколько необходимость «работы на заказ» в рамках выполнения «образовательных услуг» для студенчества. Обстановка, при которой надежда студента на получение высокооплачиваемой работы сразу после окончания университета не оправдывается, может спровоцировать очередную волну студенческих недовольств. Несмотря на то что такой подход напрямую связан с социокультурной динамикой, он, тем не менее, таит в себе серьезнейшую опасность для дальнейшего развития университетского образования: если университет станет ориентироваться только на сугубо прагматичные требования студенчества, то он рискует утратить ядро университетского образования, о котором мы писали в наших предыдущих работах [22–24] и превратится в институт подготовки узкоспециализированных кадров. Если же окажется возможным при развитии демократической системы управления в университете определить предельно допустимые границы влияния студенческого сообщества на динамику университета, то, с одной стороны, появится возможность избежать радикальных форм проявления недовольства в виде студенческих волнений, а с другой – университет сможет сохранить основные организационные принципы своего развития, направленные, в первую очередь, не на подготовку узкоспециализированных выпускников для общества потребления, а на формирование гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Петрова Г. И., Зыкова С. Н., Ершова И. А., Бут О. А., Стаховская Ю. М.** Корпоративная культура современного университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2017.
2. **Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (дата обращения: 25.02.2012).
3. **Врагов В. Н., Ильин В. Е., Лисс Л. Ф., Хаславская Л. М.** Основные принципы современного университетского образования. Новосибирск, 1994.
4. **Ицковиц Г.** Тройная спираль. Университеты предприятия государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010.
5. **Салми Д.** Создание университетов мирового класса. М., 2009.
6. **Лютар Ж. Ф.** Состояние постмодерна. СПб.: Алетей, 1998.
7. **Барнетт Р.** Осмысление университета // Образование в современной культуре. Минск: Прописки, 2001. №1.
8. **Ридингс Б.** Университет в руинах. Минск: БГУ, 2009. 248 с.
9. **Хабермас Ю.** Идея университета. Процессы образования // Alma mater. 1994. №4. С. 9–17.
10. **Виссема Й.** Университет третьего поколения. М., Олимп-Бизнес, 2016. 480 с.
11. **Wissema J.** New Look at Innovation Policy: Twelve Recommendations // Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy. Cham: Springer, 2015. P. 269–287.
12. **Иглтон Т.** Медленная смерть университета [Электронный ресурс]. URL: https://sceptis.net/library/id_3672.html (дата обращения 15.03.2018).
13. **Nalivayko N. V., Begalinova K. K., Kosenko T. S.** Uncertainty Principle in Education as a Socio-philosophical Problem // Contingency in The Education, Art and Sport. Prague, 2017. P. 83–89.
14. **Черных С. И.** Образование как общественное и индивидуальное благо // Профессиональное образование в современном мире. 2015. №1 (16). С. 17–26.
15. **Самылина И. А.** Современный университет: преобразование в организацию [Электронный ресурс]. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_2/Samylina_2015_2.pdf (дата обращения: 23.04.2018).
16. **Хархордин О. В.** 50 грамм честности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogita.ru/analitka/mneniya-i-kommentarii/50-gramm-chestnosti>, (дата обращения: 23.11.2013).
17. **GLOBAL: How to create a world-class university** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20111007185423473>, (дата обращения: 29.12.2017).
18. **Диев В. С.** Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. №8. С. 35–41.
19. **Пенская Е. Н.** История студенческих протестов 1968 г. в Европе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-studencheskih-protestov-1968-g-v-evrope-hronika-sobytyi> (дата обращения: 28.03.2018).
20. **Новая философская энциклопедия: в 4 т.** Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f2fc88579f33e24aabc5> (дата обращения: 15.03.2018).

21. **Казин А.Л.** Метафизика русского радикализма [Электронный ресурс]. URL: http://pravoslavnye.ru/analitika/2006/05/18/metafizika_russkogo_radikalizma/ (дата обращения: 15.03.2018).
22. **Петров В.В.** Организационная культура подготовки научных кадров: свобода выбора в системе отбора // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, №4. С. 1401–1409. DOI: 10.15372/PEMW20170409
23. **Петров В.В.** Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. Т. 11, вып. 2. 2016. С. 65–71.
24. **Петров В.В.** Реиндустриализация в обществе риска: миссия университета // Философия образования. 2015. №3 (60). С. 32–40. DOI: 10.15372/PHE20150304

REFERENCES

1. **Petrova G. I., Zykova S. N., Ershova I. A., But O. A., Stakhovskaia Iu. M.** [Corporate culture of the modern university: the role in the formation of the professional and personal identity of the graduate]. Tomsk, TSU Press Publ., 2017.
2. [UNESCO World Report «Towards Knowledge Societies»]. Available at: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (accessed February 25, 2012).
3. **Vragov V. N., Ilin V. E., Liss L. F., Khaslavskaja L. M.** [Basic principles of contemporary university education]. Novosibirsk, 1994.
4. **Itskovits H.** [Triple helix. Universities – enterprise – state. Innovation in action] Tomsk, TSUMRE Publ., 2010.
5. **Salmi D.** [Creation of world-class universities]. Moscow, 2009.
6. **Liotar Zh.-F.** [The state of postmodernity]. St. Petersburg, Aletya Publ., 1998.
7. **Barnett R.** [Understanding the University]. *Obrazovanie v sovremennoj kulture = Education in Contemporary Culture*, 2001, no. 1. (In Russian)
8. **Ridings B.** [Ruined University]. Minsk, BSU Press Publ., 2009.
9. **Khabermas Iu.** [The idea of the university. Educational processes]. *Alma mater = Alma mater*, 1994, no. 4, pp. 9–17. (In Russian)
10. **Wissemma I.** [University of the third generation]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2016.
11. **Wissemma I.** New Look at Innovation Policy: Twelve Recommendations. Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy. Cham: Springer, 2015, pp. 269–287.
12. **Iglton T.** [Slow death of the university]. Available at: https://scepis.net/library/id_3672.html (accessed March 15, 2018).
13. **Nalivaiko N. V., Begalinova K. K., Kosenko T. S.** Uncertainty Principle in Education as a Socio-philosophical Problem. Contingency in the Education, Art and Sport. Prague, 2017, pp. 83–89.
14. **Chernykh S. I.** [Education as a public and individual benefit]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennoe mire = Professional education in the modern world*, 2015, no. 1 (16), pp. 17–26. (In Russian)
15. **Samylina I. A.** [Modern University: transformation into an organization]. Available at: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_2/Samylina_2015_2.pdf (accessed April 23, 2018).
16. **Harkhordin O. V.** [50 grams of honesty]. Available at: <http://www.cogita.ru/analitka/mneniya-i-kommentarii/50-gramm-chestnosti> (accessed November 24, 2013).
17. [GLOBAL: How to create a world-class university]. Available at: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20111007185423473> (accessed December 20, 2013).
18. **Diev V. S.** [Management. Philosophy. Society]. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2010, no. 8, pp. 35–41. (In Russian)
19. **Penskaia E. N.** [The history of student manifestations in 1968 in Europe]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-studencheskih-protestov-1968-g-v-evrope-hronika-sobytyj> (accessed March 28, 2018).
20. [New philosophical encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f2fc88579f33e24aabc5> (accessed March 15, 2018).
21. **Kazin A. L.** [Metaphysics of Russian Radicalism]. Available at: http://pravoslavnye.ru/analitika/2006/05/18/metafizika_russkogo_radikalizma/ (accessed March 15, 2018).
22. **Petrov V. V.** [Scientific personnel training organizational culture: freedom of choice in the selection system]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennoe mire = Professional education in the modern world*. 2017, vol. 7, no. 4, pp. 1401–1409. DOI: 10.15372/PEMW20170409 (In Russian)
23. **Petrov V. V.** [Organizational Culture of Fundamental Knowledge Production in Conditions of System Transformation: Russian Specificity] *Gumanitarnyy vector. Seriya: filosofiya, kulturologiya = Humanitarian vector. Series: Philosophy and culturology*, 2016, vol. 11, no. 2, 2016, pp. 65–71. (In Russian)

24. **Petrov V. V.** [Reindustrialization in the Risk Society: University's Mission]. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*, 2015, no. 3 (60), pp. 32–40. DOI: 10.15372/PHE20150304 (In Russian)

Информация об авторе

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры социальной философии и политологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (630 090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: v.v.p@ngs.ru)

Принята редакцией: 19.06.2018

Information about the author

Vladimir V. Petrov – Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow in the Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Chair of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University (1 Pirogova Str., 630 090 Novosibirsk, Russia, e-mail: v.v.p@ngs.ru)

Received: 19 June 2018